

ПОЭТИКА СТИХИЙ В РОМАНЕ МИШЕЛЯ ТУРНЬЕ
«ПЯТНИЦА, ИЛИ ТИХООКЕАНСКИЙ ЛИМБ»:
ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ ГАСТОНА БАШЛЯРА

В.Д. Алташина¹, П. А. Москаленко²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²ГБОУ СОШ № 412, Санкт-Петербург, Россия

¹v.altashina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8134-3923>

²poli.chinelle.mo@list.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5127-9537>

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние философии Гастона Башляра на поэтику романа Мишеля Турнье «Пятница, или Тихоокеанский Лимб». Турнье, вдохновленный трудами своего учителя о четырех природных стихиях, выстраивает образы стихий в структуре романа как бинарные оппозиции. Процесс инициации Робинзона на острове напрямую связан с динамикой этих образов. Главная оппозиция в романе Турнье возникает между землей и воздухом. В ходе анализа мотивной структуры романа мы приходим к выводу, что герой Турнье – Робинзон Крузо – грезовидец земли. Воздушные метафоры в подсознании героя изначально имеют негативными коннотации. Воздух в поэтике Турнье и в философии Башляра – детская свободная стихия, с которой связан дикарь Пятница. Для Турнье, как и для Башляра, ребенок является идеалом, именно поэтому Пятница – инициатор Робинзона, способствующий его духовной метаморфозе.

В статье анализируется символическое наполнение антиномических образов, что позволяет углубить понимание характеров героев Турнье, их менталитета, сходств и различий их мышления. Пройдя испытание всеми четырьмя стихиями в «Лимбе Тихого океана», Робинзон Крузо становится Демиургом. Алхимический подтекст в романе связан с идеей трансмутации души, способной вновь обрести совершенство изначального андрогинного существа и его силы.

Ключевые слова: Мишель Турнье; Гастон Башляр; инициация; философский роман; французская проза

Для цитирования: Алташина В.Д., Москаленко П.А. Поэтика стихий в романе Мишеля Турнье «Пятница, или Тихоокеанский Лимб»: Влияние философии Гастона Башляра. *Казанский лингвистический журнал*. 2026;9(2): 200–210. <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.200-210>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.200-210>

THE POETICS OF THE ELEMENTS IN MICHEL TOURNIER'S NOVEL "FRIDAY, OR THE PACIFIC LIMBO": THE INFLUENCE OF GASTON BACHELARD'S PHILOSOPHY

V.D. Altashina¹, P.A. Moskalenko²

¹*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia*

²*School No. 412, Saint-Petersburg, Russia*

¹*v.altashina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8134-3923>*

²*poli.chinelle.mo@list.ru, <https://orcid.org/0009-0001-5127-9537>*

Abstract. This article examines the influence of Gaston Bachelard's philosophy on the poetics of Michel Tournier's novel «Friday, or the Pacific Limbo». Tournier, inspired by the works of his teacher on the four natural elements, constructs the images of the elements in the structure of the novel as binary oppositions. The process of Robinson's initiation on the island is directly related to the dynamics of these images. The main opposition in Tournier's novel arises between the earth and the air. In the course of analyzing the motivic structure of the novel, we come to the conclusion that Tournier's hero, Robinson Crusoe, is a dreamer of the earth. Air metaphors in the hero's subconscious initially have negative connotations. Air in Tournier's poetics and in Bachelard's philosophy is a childish free element, with which the savage Friday is associated. For Tournier, as for Bachelard, a child is an ideal, which is why Friday is Robinson's initiator, contributing to his spiritual metamorphosis. The article analyzes the symbolic content of antinomic images, which allows us to deepen our understanding of the characters of Tournier's heroes, their mentality, and the similarities and differences in their thinking. Having passed the test of all four elements in the «Limbo of the Pacific Ocean», Robinson Crusoe becomes the Demiurge. The alchemical subtext in the novel is connected with the idea of the transmutation of the soul, which is capable of regaining the perfection of the original androgynous being and its power.

Keywords: Michel Tournier; Gaston Bachelard; initiation; philosophical novel; French prose

For citation: Altashina V.D., Moskalenko P.A. The Poetics of Elements in Michel Tournier's Novel "Friday, or the Pacific Limbo": The influence of Gaston Bachelard's Philosophy. *Kazan Linguistic Journal*. 2026;9(2): 200–210. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/3033-8751.2026.9.2.200-210>

Учение Гастона Башляра о четырех материальных стихиях оказало значительное влияние на формирование творческого метода Мишеля Турнье. В своих сочинениях Башляр описывал взаимоотношения субъекта и земных стихий – огня, воды, воздуха и земли. Он рассматривал коллективное бессознательное не через архетипы, а через стихии-первоэлементы, которыми наполнено воображение человека. Философ считает, что каждому воображению соответствует одна из четырех стихий. Любая поэтика берет свое начало из какой-либо мате-

риальной субстанции, потому что суть образов составляет материя, которая подчас не имеет формы. С ней связаны некие импульсы, интимные переживания, «онирические силы», составляющие бессознательное личности.

Грезами о материальных стихиях пропитано творчество Турнье. В названии автобиографии отражена некая игра слов – «Le vent Paraclet» (1977) – это и «Святой дух», и «Ветер-утешитель». Таким образом, он дает читателю ключ для восприятия и анализа текстов, намекая, что воздух – это стихия его воображения. Турнье пишет, что желал «восстановить сакральное измерение метеорологических явлений» (перевод наш – В.А., П.М.) [1, р. 7], то есть преодолеть разрыв между пуританским мировоззрением и живительной, питающей воображение стихией, которая и есть Святой дух. И, напротив, «засуха», отсутствие живительной влаги в воспитании детей становится у писателя метафорой косного мира взрослых.

В основе структуры романа «Пятница, или тихоокеанский Лимб» лежит процесс инициации и духовного прозрения Робинзона Крузо, Турнье видит в инверсию человеческих ценностей, поэтому решает переписать его. Природные стихии выстраиваются в систему бинарных образов, которые являются не произвольными деталями, а важной частью семантического кода текста. В момент кораблекрушения Робинзон становится свидетелем «адского разгула стихий» [2, с. 171] (здесь и далее переводы цитат Мишеля Турнье авторства И. А. Волевич). В самом начале романа капитан ван Дейсел предсказывает Робинзону судьбу, раскладывая таро, иронически называя его «маленьким Демиургом», который «борется со вселенским хаосом, пытаясь одолеть его с помощью всевозможных подручных средств» [2, с. 165]. Башляр пишет, что «воспринимать мир через четыре его стихии означает ощущать себя демиургом или полубогом» [3, с. 178]. Именно демиургом, подчиняющим стихии, мыслит себя Робинзон в начале романа и до встречи с Пятницей. Иллюзия Робинзона разрушается, когда корабль терпит крушение и лишается руля и ветрил, то есть неких атрибутов, призванных подчинить воздушную и водную стихии.

Оказавшийся на острове Робинзон вынужден трудиться. Башляр считает, что труд помещает субъекта в центр мироздания. В процессе обработки материи рождаются образы, динамические грезы, которые, согласно Башляру, возвышают нас и способствуют росту, «он [образ – В.А., П.М.] наделяет нас становлением растущего „Я“» [3, с. 45] (здесь и далее переводы цитат Мишеля Турнье авторства Б. М. Скуратова). Возвращаясь к природе, человек преобразуется, в силу вступает материальное воображение, поскольку психика, с точки зрения Башляра, всегда жаждет новых образов. Однако «возделывание сада» героя Турнье на Сперанце вначале представляет собой некую проекцию усвоенного опыта, труд его при этом лишен какого-либо грезовидения: он механически воссоздает на острове те законы, по которым привык существовать – пишет Хартию острова и Уголовный кодекс Сперанцы, строит Палату мер и весов, Дворец Правосудия и Храм. В действиях Робинзона замечен подход колонизатора, желающего облагородить дикую землю, сакральный элемент взаимодействия с материей при этом теряется.

Башляр выделяет два способа взаимоотношения субъекта с земной стихией. Первый связан с сопротивлением, землю от других стихий отличает ее твердость. Это провоцирует волю субъекта: «Сопротивляющийся мир, – по словам Башляра, – выводит нас за пределы статического бытия, за пределы нашего существования. Так начинаются тайны энергии. С этих пор мы становимся пробужденными существами» [3, с. 30]. Воображение и воля неразрывно связаны: все существо субъекта желает подчинить субстанцию, а материя провоцирует воображение создавать орудия труда. Так, Робинзон самостоятельно изготавливает мотыгу для вспахивания земли, когда же настает момент сбора урожая, он использует для этого найденную на корабле абордажную саблю.

В то же время в сознании Робинзона возникает оппозиция между формой и материей, между островом как диким пространством, требующим преобразования, и «другим островом» – местом «онирических грез» героя. Первоначально главным его стремлением было «приручить» Сперанцу, создав знакомый

пейзаж: он занимается межеванием пространства, строит загоны для скота, сравнивает нелюбимую дикую землю с лугом у себя на родине, который, в отличие от Сперанцы, был не однородной хаотической массой, а представлял собой «растительный космос, где материя полностью исчерпала себя в форме» [2, с. 220].

В процессе развития ребенка, с точки зрения Башляра, его материальное воображение «затвердевает», обретая мужественность, воля к подчинению таких субстанций, как древесина, камень и железо. Но в раннем детстве материальное воображение пластично, как и обрабатываемые субстанции – глина и тесто.

Формой сублимации глубинных переживаний для Робинзона служит замешивание теста для выпечки хлеба. Он вспоминает, как в детстве наблюдал за ремеслом пекаря и мечтал стать булочником: «Я всегда отдавал предпочтение не формам, а материи. Осязать и вдыхать – эти два способа познания мира волновали и посвящали меня в его сущность куда больше, нежели зрение и слух» [2, с. 241]. Башляр характеризует лепку как детскую грезу. Процесс замешивания теста являет собой интимный акт, пекарь вовлечен в борьбу двух стихий – водной и земной. Он поочередно присуждает победу то одной, то другой, испытывает сопричастность замешиваемой материи, поскольку сама плоть человека, согласно Башляру, – это первотесто.

Робинзон чувствует себя демиургом, потому что управляет стихиями в процессе замеса и выпечки. При обработке теста, по утверждению Башляра, рождаются грезы, характеризующиеся особенной волей к власти, «мужской радостью проникновения внутрь субстанции, интимного покорения земли, подобного покорению земли водой, причастности к силе, растворяющей „безвозвратно“» [3, с. 51]. Тесто соотносится в воображении Робинзона с женским началом. Грезы вырастают до уровня мироздания, являя собой космогонический акт творения. Таким образом, создание хлеба в романе – это сакральный процесс: ощущение гибкости материи дарует герою утраченное чувство полноты. Это интимное действо, как и все обряды исцеления, преследует цель

вернуться к истокам, а подлинный исток, согласно М. Элиаде, понимается как «извержение невероятной энергии, жизни и плодородия, которое сопровождало сотворение мира» [4, с. 39] (перевод В.П. Большакова). В архаических обществах люди верили, что таким образом жизнь может быть начата заново, в связи с этим сотворение космогонического мифа есть обновление. В романе данный процесс – один из важных этапов на пути рождения нового Робинзона.

Субстанция теста рождает нежные грезы о детстве, сама Сперанца одушевляется, представая в воображении героя, то матерью, то женой. Так, можно убедиться, что инициация Робинзона происходит в обратном порядке — от взрослости он движется к состоянию ребенка. В связи с этим еще одна форма взаимодействия субъекта с земной стихией, по Башляру, – это погружение в нее, которое символизирует возвращением на родину, Башляр выделяет такие образы, как дом, живот, пещера, которые сходятся в едином смысле: с ними связаны «грезы о покое», о первозданном состоянии в материнском лоне [5, с. 61]. Он считает, что именно в этом пространстве происходит «конденсация глубинных сил» [6, с. 170]. Робинзон обнаруживает на острове грот, и, пробираясь через узкий лабиринт, погружается в него. Он ощущает себя плодом Сперанцы. Впервые герой находится в блаженном безвременье. Теперь уже сам Робинзон представляет собой «комочек податливого теста во всемогущей каменной длани острова» [6, с. 270]. От активной роли волевого преобразователя герой переходит в состояние беззащитного ребенка, созревающего в недрах земли.

Главная оппозиция в романе возникает именно между землей и воздухом. Именно по причине бури и урагана случилось кораблекрушение, разрушившее привычный уклад жизни Робинзона. И напротив, строя корабль, герой надеется на бурю, но корабль так и остается далеко на суше.

Стихией Пятницы в романе является воздух. Пятница грезит о воздухе, постоянно заставляя объекты летать. Он мастерит луки и боласы, его излюбленной игрой является стрельба в небо: «Эту [стрелу – В.А., П.М.] я не найду, –

ответил Пятница, – потому что она никогда не падать на землю» [2, с. 355]. Такая греза, согласно Башляру, является асцензиональной, то есть предполагает бесконечное воспарение, он выделяет также асцензиональное становление — стремление к вознесению, которое может быть рассмотрено в парадигме различных мифологий и религий. Духовная жизнь, с точки зрения Башляра, всегда ищет высоты, а поэтические образы по сути своей воздушны: «В человеческом воображении полет трансцендирует рост» [7, с. 94]. Грезовидца воздушной стихии не терзают страсти, как и страх падения, «онирическое ощущение состоит в подлинно субстанциальной легкости, в легкости всего существа, в легкости-в-себе, причина которой грезовидцу неведома» [7, с. 48]. Именно воздух в поэтике Мишеля Турнье соотносится с образами детей и Святого духа. Эта стихия игры, в которой отсутствует какой-либо утилитарный смысл. Пятница высмеивает действия Робинзона и его ложную «земную» серьезность. Именно Пятнице отведена роль инициатора, который должен способствовать его духовному росту. Турнье переворачивает традиционный ритуал посвящения, поскольку его совершает не зрелый человек, а ребенок.

Перемена жизни на острове происходит, когда Пятница курит трубку и случайно взрывает бочонки с порохом. При синтезе двух стихий – воздуха и огня – пещера Робинзона взрывается. Сгорают все вещи из его прежней жизни. Воздух освобождает и другие стихии: напугавшись огня, козы ломают забор, взрывной волной сметаются возведенные здания. Сила стихий выталкивает героя из замкнутого внутреннего пространства, рушатся возведенные оковы, кажущиеся герою защитой от агрессивного внешнего мира. Отказ от всего, что разделяет, тем самым уничтожая целостность, знаменует собой открытие первоначального единства природы и человека. Вновь разрушается иллюзия Робинзона о себе как о демиурге. Он оказывается бессильным перед воздухом: «Казалось, арауканец явился совсем из другого мира, враждебного земному царству своего хозяина» [2, с. 349]. Буйство стихий символизирует новый мир в его становлении.

Одним из главных «первострахов» Башляр называет страх падения, он утверждает, что грезы о полете способствуют его превозмоганию, в то же время падение в воображении представляет собой «болезнь воображения подъема», «неизбывную тоску по высоте» [7, с. 133].

Робинзон воспитан как набожный пуританин, им во всем движет философия умеренности. Желание преодолеть границы человеческих возможностей понимается как тщеславие. Детская греза о полете омрачается у героя страхом падения в адскую бездну. В романе не раз встречаются христианские коннотации: «Начиналась его истинная жизнь на острове после периода душевного падения» [2, с. 205]. Жизнь на острове для героя – «темная бездна страданий» [2, с. 205]. Возвыситься же можно только через труд и аскетизм, и Робинзон считает, что Святой Дух является ему именно в тот момент, когда он создает Уголовный кодекс Сперанцы.

Робинзон вспоминает ужас, испытанный в детстве, когда он решил подняться на колокольню Йоркского собора, поэтому ключевой эпизод в инициации героя на острове связан именно с преодолением им страха высоты. Робинзон взбирается на скалу: «Здесь были только земля и воздух, а между ними Робинзон, прикипший к камню, словно трепещущий мотылек, и в мучительном усилии стремящийся преодолеть переход от первой стихии ко второй» [2, с. 360]. Куколка-Робинзон оборачивается мотыльком. Благодаря Пятнице Робинзон становится демиургом, достигая гармонии и слияния с жизнью стихий.

Турнье, как и Башляр, полагал, что ребенок – существо, не отягощенное нормами общественной морали, его взгляд открыт, в его грезах о полете еще нет страха бездны. Жизнь Робинзона – это иллюстрация мысли Турнье о том, что догмы в воспитании лишь ограничивают взгляд человека, его действия становятся механическими и абсурдными. Для Турнье Святой Дух – не абстракция и не часть высшей бюрократической структуры, как для Робинзона, а ребенок, свободный Пятница, выходец из другой цивилизации, в сознании которого отсутствует христианская дихотомия падения и возвышения души.

Заключительный этап становления «нового человека – символическое убийство Пятницей козла — Андоара. Робинзон пишет в дневнике: «Андоар – это был я. Старый самец, одинокий и гордый...» [2, с. 382]. Смерть козла – животного-двойника символически означает смерть старого Робинзона. Ритуал Пятницы в романе представляет собой алхимическое действо. Согласно Башляру, целью алхимиков является перелицовка субстанции, «подобно тому, как выворачиваются перчатки» [6, с. 15]. Для алхимиков трансмутация – форма доведения субстанции до совершенства: на первом этапе она умерщвляется, чтобы позднее быть возрожденной.

Пятница придает тело козла всем четырем стихиям. Он желает кардинально изменить сущность животного, заставив его летать и петь. Высушенный на солнце пергамент Пятница превращает в фантастическую золотую птицу. Из головы козла Пятница создает эолову арфу, «то было поистине первозданная, нечеловеческая музыка стихий – мрачный зов земли, гармония небесных сфер и тоскливый стон принесенного в жертву большого козла» [2, с. 371]. Пятница грезит о динамической, становящейся материи, он видит за формой потенциал к преображению, поэтому в черном козле он увидел золотую птицу, а в Робинзоне – запертого, испорченного цивилизованным миром ребенка в теле старика [8, с. 41]. Кроме того, интересно, что Пятница изначально пребывает в «Лимбе Тихого океана», как и Вергилий – проводник Данте, данная параллель присутствует в тексте. В культуре существует тоpos Вергилия как поэта-чародея, обладавшего магическими знаниями и обманувшего смерть, придав своему телу нетленность. Это скрытое сравнение в тексте Турнье становится символом бесконечной силы поэтического воображения, коим обладает Пятница, его ритуал способствует метаморфозе во внешности Робинзона: сбрав бороду патриарха, тот вновь обретает молодость. В начале повествования капитан ван Дейсл говорит Робинзону о младенческой невинности обитателей Солнечного города [2, с. 170]. Турнье использует в романе выражение алхимиков «золотой младенец», подчеркивая совершенство духа того, кто всегда хранит в себе детскость. По-

следняя страница романа являет собой «гелиофанию», мистическое ожидание божества Солнца.

Так, очевидно глубинное влияние концепции Гастона Башляра о типах воображения материи в романе Турнье. Робинзон в начале – грезовидец земли, желающий подчинять стихии, однако иллюзия господства героя постоянно разрушается. Благодаря Пятнице происходит духовная метаморфоза Робинзона, он учится детскому, неутилитарному видению мира. В финале романа, пройдя испытание в «Лимбе» Тихого океана, Робинзон – demiurge и дитя Солнца, свободный от всех условностей социума – новый человек.

Список литературы

1. Tournier M. *Le vent Paraclet*. Paris: Folio / Galimard; 1978. (На фр. яз.)
2. Турнье М. *Пятница, или Тихоокеанский Лимб*. Санкт-Петербург: Амфора; 2004.
3. Башляр Г. *Земля и грезы воли*. Москва: Издательство гуманитарной литературы; 2000.
4. Элиаде М. *Аспекты мифа*. Москва: Академический проект; 2010.
5. Кондакова А.С., Алташина В.Д. Музыка как приют и как неистовая сила в романе Паскаля Киньяра «Вилла Амалия». *Казанский лингвистический журнал*. 2025;8(1):57–67. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.57-67>
6. Башляр Г. *Земля и Грезы о покое*. Москва: Издательство гуманитарной литературы; 2001.
7. Башляр Г. *Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения*. Москва: Издательство гуманитарной литературы; 1999.
8. Нигматуллина А.М., Хафизова И.И. Понятие познания в романе Умберто Эко «Имя Розы». *Казанский лингвистический журнал*. 2021;1(4):38–47. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.1.38-47>
9. Алташина В.Д. Естественный человек Д. Дефо и М. Турнье. Москва: *Другой XVIII век: сб. научных трудов. Экон-форум*; 2002:60–68.
10. Киричук Е.В., Шевченко О.А. Художественные особенности философской сказки Мишеля Турнье «Амадина, или Два сада». Омск: *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2021;15(2):49–59. DOI: [10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.6](https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.6)
11. Элиаде М. *Азиатская алхимия*. Москва: Янус-К; 1998.
12. Bouloumié A. *Michel Tournier: Le Roman mythologique*. Paris: J. Corti; 1988. (На фр. яз.)
13. Tournier M. *Vendredi ou les limbes du pacifique*. Paris: Folio / Galimard Publ; 1998. (На фр. яз.)

References

1. Tournier M. *The Wind Spirit*. Paris: Folio / Galimard; 1978. (In French.)
2. Tournier M. *Friday, or the Pacific Limbo*. Saint Petersburg: Amphora; 2004. (In Russ.)
3. Bachelard G. *Earth and Reveries of Will*. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury; 2000. (In Russ.)
4. Eliade M. *Aspects of Myth*. Moscow: Akademicheskii proekt; 2010. (In Russ.)

5. Kondakova A.S., Altashina V.D. Music as a Shelter and as a Violent Force in Pascal Quignard's Novel "Villa Amalia". *Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(1):57–67. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2025.8.1.57-67> (In Russ.)
6. Bachelard G. *Earth and Reveries of Repose*. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury; 2001. (in Russ.)
7. Bachelard G. *Air and Dreams: An Essay on the Imagination of Movement*. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury; 1999. (In Russ.)
8. Nigmatullina A.M., Khafizova I.I. The concept of knowledge by Umberto Eco in "The Name of the Rose". *Kazan linguistic journal*. 2021;1(4):38–47. DOI: <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2021.4.1.38-47> (In Russ.)
9. Altashina V.D. The Natural Man by D. Defoe and M. Tournier. Moscow: *Another XVIII century: collection of scientific works. Ekon-forum*; 2002:60–68. (In Russ.)
10. Kirichuk E.V., Shevchenko O.A. Artistic features of Michel Tournier's philosophical tale "Amadina, or Two Gardens". Omsk: *Science of Man: Humanitarian Studies*. 2021;15(2):49–59. DOI: [10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.6](https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2021.15.2.6) (In Russ.)
11. Eliade M. *Asian Alchemy*. Moscow: Ianus-K; 1998. (In Russ.)
12. Boulommier A. *Michel Tournier: Mythological Novel*. Paris: J. Corti; 1988. (In French.)
13. Tournier M. *Friday, or the Pacific Limbo*. Paris: Folio / Galimard; 1998. (In French.)

Авторы публикации

Authors of the publication

Алташина Вероника Дмитриевна –
профессор
Санкт-Петербургский государственный
университет
Санкт-Петербург, Россия
Email: v.altashina@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8134-3929>

Altashina Veronika Dmitrievna –
Professor
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
Email: v.altashina@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8134-3929>

Москаленко Полина Алексеевна –
учитель литературы ГБОУ СОШ № 412
Санкт-Петербург, Россия
Email: poli.chinelle.mo@list.ru
<https://orcid.org/0009-0001-5127-9537>

Moskalenko Polina Alekseevna –
Literature teacher at School No. 412
Saint Petersburg, Russia
Email: poli.chinelle.mo@list.ru
<https://orcid.org/0009-0001-5127-9537>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Conflicts of Interest Disclosure

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Article info

Поступила в редакцию: 06.11.2025
Одобрена после рецензирования: 20.02.2026
Принята к публикации: 25.02.2026

Submitted: 06.11.2025
Approved after peer reviewing: 20.02.2026
Accepted for publication: 25.02.2026

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

Peer review info

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.